

Батанов Андрей Николаевич

ПОНЯТИЕ "СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА" И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена изучению понятия "социальная группа" применительно к ряду составов преступления, предусмотренному Уголовным кодексом Российской Федерации. Автором проведен научный анализ указанного понятия, а также рассмотрены примеры из следственной и судебной практики. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 28-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Малько А. В. Смертная казнь в России: история, политика, право. М.: Норма, 2003. 224 с.
9. Нагорный Р. С. Смертная казнь: принципы гуманизма и справедливости // Российский следователь. 2006. № 3. С. 24-27.
10. Петрухин И. Л. Право на жизнь и смертная казнь // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 80-89.
11. Побегайло Э. Ф. О преступности в России и проблеме смертной казни // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 24-38.
12. Погудин О. А., Давыдова С. Г. Социально-экономическая деятельность уголовно-исполнительной системы // Человек и закон. 2008. № 5. С. 86-100.
13. Сидоров В. Кого исправляет смертная казнь? // Российская юстиция. 2001. № 4. С. 55-56.
14. Туманов А. И. Лишение жизни за особо тяжкие преступления – осознанная необходимость общества и государства // Закон и право. 2007. № 4. С. 14-17.
15. Яловая В. Н. Казнь как наказание за убийство // Российский следователь. 2007. № 24. С. 31-32.

SOCIAL-ECONOMIC ASPECTS OF DEATH PENALTY AND LIFE IMPRISONMENT: PHILOSOPHICAL-LEGAL GROUNDS

Viktor Nikolaevich Balakshii

Department of Philosophy and Political Science
Nizhnii Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
viktorbalakshij@yandex.ru

The author presents the comparative analysis of economic aspects and social justice principle in the execution of death penalty and life imprisonment, and shows the non-expediency of life imprisonment execution in our country as the alternative to death penalty on the basis of the publications analysis of Russian lawyers considering the social-economic aspects of criminal-executive system institutions activity.

Key words and phrases: death penalty; life imprisonment; punishment; correction; pardon.

УДК 343.241

Юридические науки

Статья посвящена изучению понятия «социальная группа» применительно к ряду составов преступления, предусмотренному Уголовным кодексом Российской Федерации. Автором проведен научный анализ указанного понятия, а также рассмотрены примеры из следственной и судебной практики. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова и фразы: уголовное законодательство; социальная группа; преступления экстремистской направленности.

Андрей Николаевич Батанов, к.ю.н.

Кафедра уголовного процесса и криминалистики
Ульяновский государственный университет
Anbat78@mail.ru

ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА» И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ[©]

Понятие «социальная группа» содержится в ряде норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. В некоторых случаях названное понятие является конструктивным признаком состава преступления (ст. 282 УК РФ); в других – одним из квалифицирующих признаков, отягчающих уголовную ответственность (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 119 УК РФ). Кроме того, все преступления экстремистской направленности (ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ) могут быть совершены по мотивам ненависти в отношении какой-либо социальной группы, о чем прямо говорится в примечании к ст. 282.1 УК РФ.

В ст. 282 УК РФ «социальная группа» является признаком объективной стороны преступления, то есть это группа лиц, на возбуждение ненависти к которой направлено посягательство. Во всех остальных случаях ненависть к социальной группе характеризует мотив преступления, то есть его субъективную сторону.

В связи с изложенным возникает вопрос: какое содержание законодатель вкладывает в понятие «социальная группа»?

Следует отметить, что первоначальная редакция ст. 282 УК РФ предусматривала уголовную ответственность лишь за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения и отношения к религии. Впервые на принадлежность к какой-либо социальной группе было указано в редакции этой статьи,

введенной Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 162-ФЗ [5]. Однако до настоящего времени не было сформулировано сколько-нибудь ясное и четкое определение этого понятия применительно к уголовному законодательству.

В философии социологии и психологии понятие «социальная группа» используется достаточно часто. Еще Томас Гоббс дал определение группы как «известного числа людей, объединенных общим интересом или общим делом», а также предложил определенную классификацию групп [1, с. 244]. В современной науке под социальными группами понимаются относительно устойчивые совокупности людей, имеющих общие интересы и нормы поведения, складывающиеся в рамках исторически определенного общества. В каждой группе воплощаются некоторые специфические взаимосвязи индивидов между собой и обществом в целом; характеру этих связей соответствует многообразие социальных групп [8, с. 611].

Из указанного выше определения можно сделать вывод, что понятие «социальная группа» достаточно широко, сами группы весьма разнообразны; каждого человека можно отнести сразу к нескольким общностям по различным признакам. В частности, выделяются большие группы, существующие в масштабах страны (классы, социальные слои, этнические общности, возрастные группы); средние группы (жители города, профессиональные группы); малые группы (семья, класс, дружеская компания) [Там же]. Считаем, что подобное разнообразие и широта понятия вполне приемлемы для социологии и других общественных наук. Однако юридическая наука и тем более правоприменительная практика нуждаются в четких и недвусмысленных понятиях.

Вместе с тем до настоящего времени не выработано сколько-нибудь приемлемого для уголовного права понятия «социальная группа». Оно не разъяснено, в частности, в Федеральном законе от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», хотя и упоминается в п. 1 ст. 1 Закона [6]. К сожалению, и Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 11 от 28 июня 2011 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [7] обошел этот вопрос стороной.

Наука уголовного права также не выработала достаточных критериев отнесения граждан к социальной группе. Указывается лишь, что «унижение достоинства человека в связи с его принадлежностью к какой-либо социальной группе или в связи с его происхождением может носить классовый характер» [3, с. 726].

Представляется обоснованной точка зрения А. Кибальника и И. Соломоновича, которые указывают на то, что отсутствуют сколько-нибудь ясные критерии для отнесения людей к той или иной социальной группе. Какими они должны быть: имущественными, профессиональными, служебными, основанными на общности интересов, формализованными или нет? Авторы отмечают, что «экстремистскими» (со всеми вытекающими юридическими последствиями) можно расценить и первомайские призывы сторонников компартии типа «долой богатых», и оскорбительные выходки фанатов какого-либо футбольного клуба в отношении других болельщиков, и нецензурную брань провалившего сессию студента-неудачника в отношении профессорско-преподавательского состава вуза и т.д., и т.п. Названные ученые обоснованно ставят вопрос: может ли быть признано «экстремистским» враждебное (и рекламируемое с экрана) поведение героев бесчисленных телесериалов о работниках правоохранительных органов по отношению к профессиональным или рецидивным преступникам, то есть к лицам, принадлежащим ко вполне определенной социальной группе?! Авторы делают правильный вывод о том, что отсутствие приемлемых правовых признаков какой-либо социальной группы по существу размывает границы уголовной репрессии: при желании экстремистом можно считать любого человека, выразившего в грубой, циничной форме несогласие с поведением или образом жизни представителя (представителей) какой-нибудь общности, не запрещенной законом. И результат этого может быть плачевен: ставится под угрозу само существование свободы выражения мнения [2, с. 23].

Правоту приведенной выше точки зрения отчасти подтверждает и складывающаяся судебная практика. Показательным в данном случае является приговор Сыктывкарского городского суда республики Коми от 7 июля 2008 г., вынесенный в отношении блогера Саввы Терентьева. С. С. Терентьев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, за то, что разместил в сети Интернет комментарии, разжигающие ненависть к социальной группе «сотрудники милиции». Суд в приговоре признал, что «сотрудники милиции являются достаточно крупной социальной группой – совокупность людей, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств» [9].

Однако сотрудники правоохранительных органов – это, прежде всего, люди одной профессии, и их объединяет то, что они выполняют определенную профессиональную функцию. Таким образом, критика, обращенная к ним, связана не с их принадлежностью к какой-либо группе, а с выполнением (или невыполнением) определенных служебных обязанностей. Часто высказывания недовольных представителями какой-либо профессии носят неперсонифицированный характер. Недовольные лечением высказывают претензии к врачам, качеством строительства – строителям. Можно ли это считать преступлением? Руководствуясь логикой вышесказанного судебного решения – да, так как представители этих профессий также составляют соответствующие социальные группы. Нам же подобная практика представляется неверной и даже опасной.

Опасность состоит в том, что имеются попытки выделять в качестве отдельной социальной группы такую группу, как «представители власти». В качестве примера можно привести приговор Кировского районного суда г. Казани от 24 ноября 2009 г. в отношении журналиста И. М. Муртазина, согласно которому он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, за разжигание ненависти к социальной группе «представители власти» и за то, что, как указано в приговоре, «формировал у населения республики негативные оценки деятельности представителей власти республики Татарстан». Кроме того, суд мотивировал свое решение тем, что подобные действия посягают на «социальное равноправие граждан» [11].

Подобное решение создает судебный прецедент, согласно которому любая критика действующей власти может быть признана преступной как разжигающая ненависть к социальной группе. Поэтому, безусловно, заслуживает позитивной оценки положение п. 7 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г., которое прямо определяет, что «при установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения статей 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 года, и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации; государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц» [7].

Данное постановление оказало, безусловно, положительное влияние на правоприменительную практику. В частности, постановлением следователя от 28 декабря 2011 г. было прекращено уголовное дело, возбужденное в отношении гражданина А. А. Ермоленко по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. Данный гражданин обвинялся в том, что он опубликовал в сети Интернет статью, в которой содержались высказывания, направленные на унижение достоинства группы лиц по признакам принадлежности к определенным социальным группам. В ходе предварительного расследования была проведена комплексная психологическая, лингвистическая, социологическая судебная экспертиза, согласно которой представители прокуратуры, суда, МВД, государственные служащие, депутаты Государственной Думы РФ принадлежат к социальной группе на основании наличия общего социального признака – выполнение общественно необходимой функции «государственное управление».

Вместе с тем по ходатайству защиты к материалам уголовного дела было приобщено заключение специалиста – доктора политических наук А. Н. Савельева, согласно которому представители прокуратуры, суда, МВД, государственные служащие, депутаты Государственной Думы РФ не могут быть социальной группой по определению, поскольку это лишь представители, а не какая-либо социальная совокупность. Напротив, их деятельность определена таким образом, что подобная идентификация являлась бы для них противозаконной и антиобщественной. Идентификация служащих указанных государственных структур определяется законодательством РФ, а не историческими, социально-экономическими, социокультурными основаниями, которые лежат в основе формирования социальных групп.

Свое решение о прекращении уголовного дела следователь мотивировал в том числе и тем, что «вопрос о принадлежности представителей прокуратуры, суда, МВД, государственных служащих, депутатов Государственной Думы РФ к конкретной социальной и социально-профессиональной группе решен однозначно в рамках расследования данного уголовного дела быть не может ввиду отсутствия единообразного подхода по данному вопросу» [10].

В итоге было принято обоснованное решение о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, – отсутствие в деянии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Таким образом, практика применения ст. 282 УК РФ носит неоднозначный и противоречивый характер. Подобная противоречивость предоставляет широкие возможности для принятия решения по усмотрению правоохранительных органов и судов. Также отсутствуют единый подход в экспертной практике и общая методическая основа для вынесения заключений по данной категории уголовных дел. Все это в совокупности может повлечь нарушение законности и произвол при применении ст. 282 УК РФ, привлечение граждан к уголовной ответственности за критические высказывания, превращение уголовного закона в инструмент политических репрессий.

Кроме того, представляется проблематичным выработать единое понятие «социальная группа» в рамках науки уголовного права. Это связано с тем, что данное понятие носит сложный, разноплановый характер. В философии, политологии, социологии также имеются существенные противоречия по данной проблеме. До настоящего времени не утратили значения слова В. И. Ленина, который писал о социальных группах: «...само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения “групп” и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т.п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные “группы”» [4, с. 428-429].

Считаем также принципиально невозможным обеспечить «социальный мир» методом уголовно-правовой репрессии. Основными причинами социальных конфликтов являются высокое имущественное расслоение общества, бедность, поведение представителей отдельных групп, а не так называемое «разжигание ненависти» со стороны граждан и общественных организаций.

В связи с вышеизложенным предлагаем внести следующие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Из п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 119 УК РФ выражения «либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» исключить. Из ч. 1 ст. 282 УК РФ выражение «а равно принадлежности к какой-либо социальной группе» исключить.

Список литературы

1. Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. 345 с.
2. Кибальник А., Соломонович И. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 22-24.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2005. 912 с.
4. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 1. 498 с.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2003. № 50. Ст. 4848.
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СЗРФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.
8. Философский энциклопедический словарь. Изд-е 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
9. <http://mezak.livejournal.com/132168.html> (дата обращения: 12.08.2012).
10. http://openinform.ru/fs/j_photos/openinform_350.pdf (дата обращения: 12.08.2012).
11. <http://www.memo.ru/2009/12/29/2912091.htm> (дата обращения: 12.08.2012).

NOTION OF “SOCIAL GROUP” AND ITS CRIMINAL-LEGAL MEANING

Andrei Nikolaevich Batanov, Ph. D. in Law
Department of Criminal Process and Criminalistics
Ul'yanovsk State University
Anbat78@mail.ru

The author studies the notion of “social group” in relation to a number of crime components under the Criminal Code of the Russian Federation, conducts the scientific analysis of this notion, also considers the examples of investigative and court practice, and basing on the conducted research formulates proposals for the improvement of the existing criminal legislation.

Key words and phrases: criminal legislation; social group; extremist crimes.

УДК 008

Культурология

В статье рассматривается проблема провинциальной бальной культуры, под которой автором статьи понимается особое семиотическое пространство провинции, выполнявшее роль организатора ритуально-праздничной светской жизни образованной элиты и имевшее придворный танец в качестве основного исторического кода.

Ключевые слова и фразы: провинциальная бальная культура; бал; семиотика столичного и провинциального пространства; купеческое и дворянское сословие.

Дарья Владимировна Белякова

Кафедра теории и истории культуры

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

Sophie_darie@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА[©]

В русском региональном образовательном пространстве XVIII-XIX вв. бальная культура составляла один из важных социальных компонентов. Она являлась частью праздничной культуры городской провинции. Направление общественного и научного внимания на практическую, духовную и нравственную значимость происходящего в регионах России делает социально важным анализ и осмысление особенностей, свойственных именно периферии, отношений провинций. Обращение к феноменам культуры прошлого, которые могут быть применены к процессам этнического самопознания современной России, определяет актуальность данной темы. Одной из наиболее значимых проблем, привлекающих внимание исследователей, является рассмотрение социокультурных процессов, имевших место в прошлом и происходящих сейчас в наше время. Особенное значение в этом плане приобретает изучение изменений в такой области, как бальная культура провинциального города. Связанная с общественным сознанием и с соответствием потребностей определенного слоя жителей, она служила действенным механизмом объединения общества. Посредством транслируемых через нее ценностей происходило включение индивида как в структуру социума, так и в его культуру.

В образовании и развитии провинциальной бальной культуры многое зависело от сословного и имущественного положения людей, места их жительства, вероисповедания, привычек и традиций. Одной из